

Проведя немало времени на холодном ветру, Лэ Чэньань снял куртку и повалился на диван. Кондиционер работал настолько мощно, что его начало клонить в сон. Му Хань, находясь у мини-бара, подогрел для него стакан молока. Лэ Чэньань заметил, как тот достал из своего чемодана пакет с прозрачной упаковкой конфет, в правом нижнем углу которой было написано «made in Canada». Одна за другой, прозрачные и блестящие, кленовые леденцы были вынуты из упаковки и брошены в горячее молоко. Передав стакан Лэ Чэньаню, Му Хань направился в ванную, а Лэ Чэньань, опомнившись, услышал, как уже давно шумит вода из душа.

Он посмотрел на молоко, в котором кленовый сироп уже растворился, создавая красивые золотистые мраморные узоры.

Найдя у мини-бара палочку для размешивания кофе, он тщательно перемешал молоко с сиропом и начал пить большими глотками. Изначально он хотел медленно насладиться этим сладким иностранным вкусом, но звук воды, доносящийся из ванной, вызывал у него беспокойство. Мысли невольно возвращались к тому прекрасному телу, головокружительному дыханию, глубокому и загадочному взгляду, слабому утреннему свету в холодном воздухе.

Чем больше он пытался контролировать свои мысли, тем сильнее они путались. Давно забытый звон в ушах и стук сердца в висках заставили его по-новому осознать, что значит быть полным сил двадцатилетним парнем. Сухость во рту и волнение вызывали чувство тревоги.

— Что с тобой?

Он не заметил, когда Му Хань закончил мыться. Оглянувшись, он увидел, как белоснежная грудь и блестящие ключицы того виднелись из-под свободного воротника халата. Холодная кожа покраснела от пара. Казалось, этот человек специально испытывал его, проверял.

Сделав глубокий вдох, чтобы подавить учащённое сердцебиение, он неловко улыбнулся, желая уйти до того, как потеряет контроль.

— Лэ Чэньань.

Сквозь звон в ушах он услышал, как тот произнёс его имя. Последний слог заставил обычно холодные губы Му Ханя изогнуться в мягкой улыбке, словно хищник, спрятавший когти, покорно лёгший в траву, вдыхая аромат цветов. Опасный, но сдержанный.

Улыбка Лэ Чэньаня застыла на лице. Он не мог отвести взгляд, но и не решался сделать лишнее движение.

Му Хань протянул руку и кончиком указательного пальца коснулся его острого клыка:

— Ты чего такой напряжённый?

Лэ Чэньань невольно укусил сустав пальца. Му Хань не сопротивлялся, позволив ему это, а средним пальцем легкомысленно погладил его нижнюю губу. Лэ Чэньань задержал дыхание и отпустил палец.

Он приблизился, слизав молоко с уголка его губ. Четыре мягкие губы слились в поцелуе, и Лэ Чэньань весь затрепетал.

Казалось, это был обычный выходной. Он, как молодой человек, разочарованный карьерой, случайно увидел сияющую душу. Тот мчался по снегу, летел, взбирался на вершину, принимая цветы и аплодисменты. Он издали наблюдал за фигурой, стоящей на высоте и

разбрызгивающей шампанское. Искры разнощи между ними жгли сердце, вызывая боль.

Неизвестно, сколько они целовались, задыхаясь, но Му Хань мягко оттолкнул его за плечо и отступил на шаг:

— Что-то случилось?

Этот человек говорил мало, но был очень чутким.

Лэ Чэньань, не желая отпустить, бросился вперёд, уткнувшись лицом в его шею:

— Ничего, на самом деле не стоит расстраиваться. По крайней мере, мои способности признали.

Он стал фотографом благодаря таланту и удаче.

Му Хань не стал допытываться, мягко похлопав его по спине. Атмосфера, полная намёков, быстро остыла, став уютной. Лэ Чэньань не сдержал смешка:

— Ты что, считаешь меня ребёнком?

— А ты разве не ребёнок?

Голос Му Ханя был чистым и ясным, особенно приятным, когда он говорил шёпотом.

— Если я ребёнок, то некоторые твои действия были на грани закона.

Лэ Чэньань усмехнулся, достал телефон и открыл страницу с новым синглом Сюэ Сяо:

— Красиво?

— Он снова тебя обидел?

Му Хань взял телефон и увеличил изображение.

— Нет. Никто меня не обижал. Просто скажи, красиво или нет.

Он сказал это с капризной интонацией, и сам удивился своему тону.

— Красиво.

Му Хань, должно быть, узнал это место — горнолыжный курорт Дабай:

— Ты снимал?

Увидев довольное выражение лица Лэ Чэньаня, Му Хань внимательно посмотрел на фото:

— Кто такой Сун Шэнь? Почему в качестве фотографа указано не твоё имя?

— Это мой большой босс.

Сказав это, он почувствовал облегчение. Лэ Чэньань не решался жаловаться кому попало, ведь если бы это дошло до Сун Шэня, это могло бы негативно сказаться на его карьере. Но Му Хань был другим. Кроме моментов на сноуборде, этот человек казался спокойным и беззаботным, ничего не принимал близко к сердцу, просто слушал и забывал.

— Не можешь вернуть?

Му Хань прищурился, словно леопард, увидевший добычу.

— Нет. Не стоит ссориться с большим шишкой, я всего лишь маленький человек, который хочет остаться в этой индустрии. К тому же, я не единственный, кто сталкивается с подобным, это обычное дело.

Лэ Чэньань вздохнул. На самом деле он, возможно, просто хотел, чтобы Сун Шэнь хотя бы извинился или дал какие-то гарантии, а не делал вид, что ничего не произошло.

— Когда-нибудь я стану лучше него.

Лэ Чэньань пробормотал.

— Угу.

Му Хань остался на месте, позволяя ему опереться на себя.

— Почему ты так вкусно пахнешь... Цветочная фея?..

Лэ Чэньань потер нос. Это был не запах духов, скорее что-то вроде стирального порошка, неуловимый цветочный аромат, смешанный с промышленными нотками, но почему-то на этом человеке он не казался резким, а наоборот, давал чувство спокойствия и уюта.

Му Хань повернул голову, чтобы понюхать своё плечо:

— Должно быть, гель для душа. Я взял с собой.

— Ты...

Мужчина, который везде таскает с собой гель для душа... Это как-то странно...

Му Хань, похоже, заметил его насмешливый взгляд и объяснил:

— У меня чувствительная кожа, не рискую пользоваться случайными средствами.

— Ага...

Лэ Чэньаня разбудили в шесть утра, когда Чжан Ицзэ буквально вытащил его из постели. Сейчас, сытый и довольный, он снова оказался в объятиях тепла и уюта, и сонливость накрыла его с новой силой. Несколько зевков заставили его глаза наполниться слезами:

— Дайте мне немного вздремнуть...

Хотя они виделись всего во второй раз, и в прошлый раз не смогли попрощаться как следует, хотя этот человек был, без сомнения, сильным, Лэ Чэньань не мог испытывать ни капли настороженности рядом с ним.

Страшно, словно магнит притягивает булавку.

— Ты не вернёшься? А тот Чжан...

— Не обращай на него внимания.

Лэ Чэньань упал лицом вниз на широкую кровать.

— Разденься перед сном...

Му Хань покачал головой, подошёл к нему, помог снять одежду и легко уложил в постель:

— Ну и дурачок.

Во сне Лэ Чэньань почувствовал, как кто-то нежно погладил его подбородок.

— Который час!

Лэ Чэньань нащупал телефон на тумбочке и включил экран. На экране появилось уведомление о двух пропущенных звонках от Чжан Ицзэ, сделанных вчера ночью. Он проспал десять часов, даже не повернувшись, и уже светало. Он быстро перезвонил.

— Алло... Ты ещё жив, сынок?..

Чжан Ицзэ, судя по голосу, тоже ещё не встал, говорил вяло.

— Да. Жив-здоров. Ты сегодня ещё катаешься? Во сколько возвращаешься?

Рядом кто-то крикнул, рука, лежащая на его плече, убралась, похоже, Му Хань проснулся. Лэ Чэньань заметил, что тот привык спать на боку, во сне он инстинктивно сворачивался калачиком, и его гладкий лоб упирался в его плечо, оставив круглый красный след.

— Что за хрень? Чей это голос? Лэ Чэньань, куда ты сбежал? Ты же вчера ужинал с МУ? Вы что, вы...

Чжан Ицзэ вдруг оживился, закричал так, что Лэ Чэньань пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Не ори, объясню позже. Эх... Не волнуйся, всё не так, как ты думаешь.

Боясь, что его друг устроит сцену, Лэ Чэньань быстро повесил трубку и встал, чтобы умыться.

Му Хань последовал за ним в ванную, наклонился и поцеловал его в щёку, сонно:

— Он будет тебя донимать? Нужно, чтобы я объяснил?

— Не надо, не обращай на него внимания. Псих. Я привык.

Лэ Чэньань подумал, что, возможно, Му Ханю не понравился Чжан Ицзэ, может, он почувствовал себя оскорблённым вчера?

— И ты... Продолжаешь с ним... Общаться?

Му Хань, похоже, долго подбирал слова.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Умывайся, пойдём завтракать.

По дороге назад Чжан Ицзэ смотрел на него с пылающими глазами, улыбаясь с явным подтекстом.

— Я просто устал, переночевал у него. Хватит фантазировать, братан.

Лэ Чэньань не знал, смеяться или плакать.

<http://bllate.org/book/16169/1449151>